

Общие проблемы политической концептологии

АССАМБЛЯЖИ В РОЛИ СУЩНОСТЕЙ: К РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ МАНУЭЛЯ ДЕЛАНДЫ

С.Г. Чукин

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова
институт войск национальной гвардии РФ*

Аннотация: Поводом к зафиксированной в западной философии науки реанимации и реабилитации эмерджентизма стала невозможность объяснения новых фактов, фиксируемых наукой, без опоры на онтологию, свободную от трансцендентных сущностей. Такая онтология, считающая единственным легитимным носителем сущности индивидуальные, доступные калькуляции и анализу объекты, называется реалистической. Один из её вариантов предложен Мануэлем ДеЛанда и получил название «теории ассамбляжей». Концепт «ассамбляжа» делает, по мнению ДеЛанды, излишним понятие сущности, ибо в полном объеме выполняет её функции по сохранению идентичности объекта на всем протяжении его бытийной истории.

Ключевые слова: ДеЛанда, сущность, ассамбляж, эмерджентность, сингулярия, интериорность, экстериорность, пространство возможностей, индивидуация.

Нет ничего реального, что не было бы индивидуальным.

Хавьер Субири [Субири 2009]

Первый вопрос, который возникает при столкновении человека с реальностью, формулируется так: «Что это?» Он же является и главным философским вопросом, поскольку соединяет в себе онтологический и эпистемологические аспекты: идентифицировать (опознать) «это» можно лишь при условии определённости его онтологического статуса. Иными словами, ответ на вопрос: «Что это?» зависит от того, считаем ли мы «это» реальным объектом, обладающим самостоятельной бытийной ценностью, или же полагаем, что он является коррелятом априорных логических или лингвистических форм.

В начале 2000-х годов в европейской философии наметился очередной поворот, который его инициаторы назвали реалистическим [Bryant, Srnicek, Harman. 2011: 1]. С противоположного берега Атлантического океана к нему примкнул американский мыслитель мексиканского происхождения Мануэль ДеЛанда, ставший впоследствии наиболее последовательным и бескомпромиссным проводником онтологического реализма. В беседе с Грэхемом

Харманом он писал, что после Канта реализм существовал в подполье континентальной мысли, и признание человека в том, что он придерживается реалистической позиции в философии было равносильно признанию того, что он является растлителем малолетних [DeLanda 2007]. Причиной маргинального положения реализма его нынешние реаниматоры считают кантовскую революцию в философии, радикально изменившую отношения между мышлением и бытием. Квентин Меияссу предложил, вместо традиционной квалификации кантовой мысли как дуалистической, новый термин – «корреляционизм», расширив и обогатив тем самым философский словарь: «Под «корреляцией» мы подразумеваем идею, согласно которой мы всегда имеем доступ только к корреляции между мышлением и бытием и никогда ни к одному термину, рассматриваемому отдельно от другого. Отныне мы будем называть корреляционизмом любое течение мысли, которое поддерживает непревзойдённый характер определяемой таким образом корреляции» [Меияссу 2015: 11].

Следствием кантовского переворота стало умаление онтологии, точнее – её подчинение эпистемологии. Философия сосредоточилась на проблемах мышления, и наиболее последовательной в этом направлении стала феноменология, пытавшаяся найти в реальности чистые от опыта инварианты мысли. Позитивизм и аналитическая философия рассматривали реальность сквозь призму логических и лингвистических форм. История континентальной философии после Канта – это череда различных вариантов корреляционизма, который, по мнению исследователя этой проблемы Ли Брэвера следует рассматривать как незаживающую рану на теле континентальной мысли.

Научным аналогом корреляционизма является классическая (ньютонова) физика с её принципом каузальной замкнутости мира, исключающей новизну, что, среди прочего означает, что все фактически данное получает удовлетворительное объяснение с помощью имеющихся теоретических и методических ресурсов. Если же что-то из него оказывается необъяснимым, то значит оно является эпифеноменом и не стоит того, чтобы тратить на него познавательную энергию. Физикализм как мировоззрение устоял перед попыткой его низвержения, предпринятой эмерджентистами на рубеже XIX–XX веков, однако спустя столетие был вынужден капитулировать ввиду очевидной его неспособности обеспечить единство научной картины современного мира. Нэнси Картрайт, одна из ведущих представителей реалистического направления в философии науки и физик по своей научной специальности, утверждает, что мир является слишком пёстрым для того, чтобы уложить его в прокрустово ложе универсалий, установленных в идеальных условиях лаборатории, а потому эвристическая роль закона и других инвариантов, представляется ей сомнительной. Большая часть наблюдаемого нами в природе, является волей случая, не подчиняясь никаким законам. То, что происходит, больше похоже на результат переговоров между доменами, чем на логическое следствие системы порядка. Пёстрый мир – это то, что, по большей части является естественным состоянием: упорядоченное поведение является результатом хорошей инженерии [Cartwright 2008: 3].

Картрайт признает, что её вера в «пёстрый» мир в значительной мере основана на неудачах физики и экономики как научных дисциплин утвердиться в качестве «теорий всего»: физика – применительно к природе, а экономика – ко всему, что относится к человеческому поведению. Способ, которым они это делают, состоит в построении «правильной» теоретической модели и дедуцировании из неё конкретных результатов. Но успешный опыт научной деятельности демонстрирует обратное: законы физики и экономики, выведенные в стерильных условиях, в реальной жизни применимы только к очень ограниченному кругу ситуаций, вследствие удачи или хорошего управления. Поэтому научное знание – это не знание законов, а знание природы вещей, их сущности и этости, полученное путём выявления непосредственных (конкретных) причин. Именно поэтому объектом научного исследования должен

стать тот мир, в котором мы живём здесь и сейчас, и который хотим сделать комфортным и безопасным для себя. Этот мир очень разный, и он сопротивляется объяснению посредством подведения под универсальный инвариант, будь то закон, принцип, правило или норма. Но из сказанного вовсе не следует, что в этом очень разном (пёстром) мире нет законов и невозможно единство, согласованность, мирное сосуществование. Эти законы, несомненно, есть, но не как универсалии, подчиняющие всю природу или человеческое поведение, но как эмпирически установленные регулярности, действующие в конкретных предметных областях. Точно так же единство обеспечивается не за счёт редукции всего сущего к абстрактной первопричине, но устанавливается как результат социального конструирования и эпистемологической индивидуации, представляя собой ситуационную, здесь и сейчас сборку разнородных компонентов, пребывающую в состоянии хрупкого равновесия.

Авторы реалистического поворота утверждают, что корреляционизм как попытка заместить оппозицию «реальное-идеальное» их усредненным термином, исчерпал себя и, более того, тормозит дальнейшее развитие философской мысли. Сокращение мира до его умопостигаемой или высказываемой формы оставляет без внимания те его свойства, которые существуют независимо от языка и мышления и время от времени заявляют о себе через совершенно непредсказуемые события, прозванные «чёрными лебедями». Новые реалисты заявляют о намерении разорвать корреляционистский круг и добраться до реальности как таковой, то есть до вещей, каковыми они являются до любых попыток их осмысления. В центре внимания, таким образом, оказывается понятие реальности, обсуждение которого оказывается невозможным вне вопроса о сущности.

Хавьер Субири считает сущность обязательным моментом реальной вещи, обеспечивающим её внутреннее единство и существование в качестве именно этой вещи [Субири 2009: 84]. Проблема, однако, состоит в том, исчерпывает ли себя сущность данными своим проявлением, или она имеет множество форм и способов овеществления. Реалистическая онтологическая традиция, ведущая своё начало от Аристотеля, включает роды, виды и индивиды. В примере, который приводит Аристотель, Кориск характеризуется животностью (род), разумностью (вид) и музыкальностью (индивид), при этом только первые две характеристики необходимы, а третья – случайна. Метафизика как наука имеет дело с необходимым, знание о котором (о родах и видах) может быть только априорным, тогда как конкретные исторические индивиды доступны апостериори. Единичная вещь, таким образом, не является исчерпывающим воплощением сущности, которая неизмеримо больше любого конкретного проявления, может существовать во множестве различных контекстов, оставаясь при этом неизменной. Но означает ли это, что идентификация единичной (этой) вещи состоит в экспликации её сущности? Ответ будет положительным только в том случае, если:

а) Сущность понимается как потенциальная содержательная полнота вещи, ожидающая своего конкретного единичного воплощения. То есть, сущность больше (богаче), чем её актуальное овеществление.

б) Между сущностью и её конкретным воплощением существует необходимая каузальная связь, которая может быть реконструирована посредством редукции.

Результатом такой идентификации будет игнорирование или умаление тех характеристик вещи, которые придают ей индивидуальность, делают её именно «этой» вещью, а не вещью вообще.

Такое понимание сущности и её овеществлений получило название «эссенциализма». Мануэль ДеЛанда, являющийся одним из последовательных представителей «нового» реализма, считает эссенциализм, наряду с корреляционизмом, источником большинства проблем, с которыми столкнулась современная философия и наука. В совместной с Грэхемом Харманом книге, построенной в форме диалога, он прямо заявляет, что считает концепт

сущности излишним для своей онтологии [DeLanda, Harman 2017: 11]. Но как обойти то обстоятельство, что концепт сущности выполняет важную философскую работу, объясняя устойчивую идентичность объектов на всем протяжении их существования, обеспечиваемую неизменным онтологическим ядром? ДеЛанда поясняет, что он не принимает сущность, понимаемую как причинный фундамент реально сущего, но допускает, как её эквивалент, что-то вроде общего плана или идеи, которые содержат минимум того, чем должна обладать вещь для того, чтобы быть сама собой (этой вещью). Он приводит, в качестве примера, использование термина «тип» в биологии для обозначения общего плана тела многих различных существ. Люди, например, принадлежат к типу «хордовые», как и все другие позвоночные животные. Основная идея заключается в общем источнике формы, плане тела, который благодаря различным складкам и растяжениям во время эмбриологического развития способен создавать самые разнообразные специфические формы, от змей до жирафов и людей.

Такой подход, составляющий базис популяционного мышления, пришедшего на смену классическому эволюционизму и используемый применительно к социальным системам, прямо противоположен эссенциализму и связанному с ним редукционизму. Эмпирические исследования подтверждают, что на каждом уровне сложности возникают свойства, которые не сводимы к более низким уровням, просто потому, что, когда кто-то переключается на изучение сущностей более низкого уровня, свойства, возникающие в результате их взаимодействия, исчезают.

С точки зрения эссенциализма реальная вещь беднее её подлинной сущности, которая обнаруживает себя во множестве различных контекстов, оставаясь неизменной. У Платона, считающегося зачинателем традиции эссенциализма, чувственно воспринимаемые вещи являются бледными копиями их идеального состояния. Фундаментальный характер сущности проявляется в том, что она выступает не только как идеальная вещь сама по себе, но также как мера и как внутренняя возможность реального. Актуально сущее, то есть единичные, индивидуальные вещи самостоятельной бытийной ценности не имеют, поскольку все контекстуальное – вторично, производно, случайно. Но ещё Аристотель отметил, что ответ на вопрос: «Что это?» применительно к Сократу, может быть двояким: Это человек. Это Сократ. Эссенциалист считает Сократа случайной вариацией сущности, которой является человек. Сократость, религиозность, социальные меты – это эпифеномены, иррелевантные в онтологическом и эпистемологическом отношении.

Современный реализм выступает против такой трактовки. Он исходит из того, что единственным реальным обитателем бытия являются индивидуальные, чувственно воспринимаемые вещи, обладающие необходимыми для их идентификации онтологическими параметрами: пространственно-временной локализацией и каузальными полномочиями. Если, для получения знания о таких вещах, использовать традиционный подход, состоящий в редукции к общему (закону, классу, типу), то за скобками остаётся как раз таки индивидуальная специфика, придающая вещи бытийную устойчивость. Но ответ на вопрос «Что это?» может быть получен посредством реконструкции генезиса этой вещи, включающей все особенности исторического пути, которые сделали возможным возникновение именно этой, то есть индивидуальной вещи. Типологический подход предполагает, что общее содержательно богаче, чем любое из его индивидуальных воплощений, а также постулирует линейную каузальную связь между ними. Однако этому противоречит факт существования эмерджентных объектов и свойств, возникновение которых оказалось неожиданным и связано с предшествующим состоянием линейной связью.

Именно возрождение интереса к эмерджентным феноменам, пришедшееся на 80-е годы XX столетия, побудило Мануэля ДеЛанду сначала присоединиться к дискуссии по этой проблеме, а затем предложить своё решение, которое состояло в оригинальном варианте реа-

листической онтологии. Включившись в полемику по этой проблеме, участниками которой были известные философы науки И. Ким (J. Kim), Б. Маклаулин (Brian P. McLaughlin), ван Клеве (van Kleeve), ДеЛанда приходит к выводу о том, что эпистемологический статус эмерджентных феноменов в современной науке существенно изменился: они хотя и сохраняют онтологическое свойство эмерджентов, но вполне доступны редуktivному объяснению. Однако это не линейная редукция, характерная для физикализма, а иная, которую он называет индивидуацией, заимствовав этот термин у Жильбера Симондона [Simondon 1994: 23].

До-индивидуальное в его концепции представляет собой состояние минимальной достаточности свойств, которые необходимы для сущности вещи. Процесс индивидуации происходит всегда и представляет собой актуализацию этой сущности в конкретном контексте. Вещь находится в состоянии метастабильного равновесия, её главной задачей является сохранения себя, для чего, на основе имеющихся базовых свойств, она вырабатывает способности, необходимые для этого. Поэтому индивидуальная вещь больше, чем её до-индивидуальное состояние, имеющее виртуальный бытийный статус.

Здесь уместно обращение к концептам «нормы» и «нормального» Жоржа Кангилема, которого ДеЛанда также упоминает в качестве авторитетного источника. Норма по Кангилему – это границы видовой идентичности, определяющие минимально достаточный для существования индивида набор свойств и способностей. В этом значении она выполняет онтологическую функцию сущности. Актуальное же бытие индивида Кангилем характеризует как «нормальное», определяя его как контекстуальный ответ на вызовы времени и места. Нормальное можно характеризовать как достаточное для сохранения объектом своей видовой и персональной идентичности. При этом оно обладает реальной бытийной прочностью, которая обеспечивается порождающими вещь специфическими историческими и генетическими процессами, а также стабилизирующими и поддерживающими механизмами, обеспечивающими её контекстуальную устойчивость. На примере таких показателей здоровья человека, как частота сердцебиения, артериальное давление, содержание сахара в крови и других, Кангилем доказывает, что они редко совпадают с принятой в медицине нормой, но при этом не сказываются на состоянии здоровья и работоспособности. То есть они нормальны для конкретного человека, если учитывать особенности его образа жизни, климатических и географических условий, популяционных характеристик [Canguilhem 1998: 155–157].

Эссенциализм, о котором ДеЛанда время от времени говорит как о главном препятствии на пути решения онтологической и эпистемологической проблемы, порожденной эмерджентными феноменами, утверждает, что сущность любого объекта неконтекстуальна, поскольку он может существовать в самых разных контекстах, оставаясь при этом одним и тем же объектом. ДеЛанда (и реалисты в целом) убеждены, что именно контекстуальная специфика содержит необходимые для существования вещи условия, и потому сущность всегда контекстуальна, является моментом реальной вещи. В этой вещи все, что причастно к её устойчивому существованию, является существенным. Поэтому идентификация объекта, установление его онтологического статуса, каузальных полномочий и перспектив дальнейшего существования требуют не выявления общей сущности, а реконструкции генезиса данного объекта, восстановление исторического пути, со всеми его перипетиями, который он прошёл до актуализации в нынешнем состоянии. Этот путь ДеЛанда называет индивидуацией, а то, что получается в её конце – сингулярией (индивидуалией).

Если понимать сущность в традиции эссенциализма и корреляционизма, то знание о ней является априорным, получаемым логическим путём. Если же считать носителем сущности индивидуацию (сингулярию), являющуюся результатом процесса индивидуации, то знание механизмов, обеспечивающих её идентичность, будет получено эмпирическим и аналитическим методами.

Индивидуалиями являются и артефакты, и природные объекты. ДеЛанда критикует типологическую концепцию вида, доминирующую до недавнего времени в биологии. Она настаивает на том, что виды являются конечными единицами естественного отбора, их формированием завершается эволюция, видовые характеристики неизменны и составляют сущность живого организма. Различия между особями одного вида являются случайными и не играют существенной роли в их жизни. Противоположное объяснение предлагает синтетическая теория революции, практикующая популяционный подход. Один из ведущих её представителей Э. Майр выразился так: «Популяционист подчеркивает неповторимость любого явления в мире живого. Как среди людей нет двух одинаковых индивидуумов, так нет их и среди других видов животных и растений... Все организмы и жизненные явления обладают индивидуальными особенностями и в совокупности могут быть описаны только в терминах статистики. Особи или любые иные органические единицы жизни образуют популяции, для которых мы можем определить среднее арифметическое и статистические характеристики изменчивости. Средние цифры представляют собой лишь статистические абстракции; реальны только особи, которые составляют популяции. Окончательные выводы популяциониста и типолога прямо противоположны. Для типолога тип (эйдос) реален, а изменчивость иллюзорна, тогда как для популяциониста тип (среднее) – это абстракция, и только изменчивость реальна» [Майр 1974: 13]. Вслед за Э. Майром и другими представителями синтетической теории эволюции ДеЛанда делает выбор в пользу популяционного мышления, которое исходит из принципиальной важности изменений и отрицает типические характеристики, считая их абстракциями. Как глубоко ошибочные и не соответствующие фактам ДеЛанда объявляет утверждения, что в природе нет индивидуальностей, и все животные «на одну морду». Даже такое распространённое химическое соединение как вода с формулой H_2O имеет множество изотопных вариантов, обладая, при одних и тех же химических свойствах, разными физическими свойствами. Вариативность является неотъемлемой характеристикой мира.

Любая вещь является индивидуалией, поскольку представляет собой нередуцируемое структурное единство, обладающее необходимой бытийной полнотой и устойчивостью. Тем самым она выступает в качестве единственного и уникального носителя сущности. Но как эта сущность образуется? Приходится признать существование некоего учреждающего единства, того самого «минимума», который необходим и достаточен для обеспечения видовой идентичности объекта. Как его назвать? Х. Субири предлагает называть его «базовым конституционным единством». Тогда резонно предположить, что индивидуалия образуется посредством присоединения к этому конституционному (учреждающему) единству контекстуальных элементов. Субири называет это «стягиванием» вида до индивида, и выказывает своё несогласие с таким пониманием индивидуации: вид не есть нечто первичной, что подвергается индивидуации. Имеет место не «стяжение вида, а расширение «индивида», который конституируется... тотальной конституционной достаточностью в нередуцируемой форме» [Субири. 2009: 145]. Как в таком случае достигается или приобретает эта достаточность? Это возвращает нас к понятию до-индивидуального или пред-индивидуального.

Его признаки (свойства):

- оно предшествует индивидуальному;
- это предшествование является историческим, но не логическим;
- оно обладает виртуальным бытием;
- до-индивидуальное может быть охарактеризовано как пространство возможностей, которое имеет свою структуру и доступно метрологии.
- между индивидуальным и до-индивидуальным существует каузальная связь, но она не является линейной.

Наиболее обстоятельное, хотя и требующее от читателей математической грамотности изложение источников и механизмов индивидуации ДеЛанда даёт в книге «Интенсивная наука и виртуальная философия» [DeLanda 2002]. До-индивидуальное состояние, понимаемое как виртуальное пространство, имеет свою топологию, которая влияет на то, какая из имеющихся тенденций возобладает и, в конечном счёте, реализуется. ДеЛанда, ссылаясь на математиков (Л. Эйлер) полагает, что предпочтительные пути и состояния – это такие, которые имеют минимальное значение для каждой переменной, и называет устойчивые, а значит и предпочтительные состояния объектов аттракторами. Аттракторы – это сингулярности, подобные минимумам Эйлера, то есть они также определяют предпочтительные устойчивые состояния для объекта, но были открыты гораздо позже в рамках нового геометрического подхода к дифференциальным уравнениям, впервые предложенного Анри Пуанкаре в конце девятнадцатого века. В отличие от уравнений, изученных Эйлером, уравнения, рассмотренные Пуанкаре, не могли быть решены аналитически, поэтому он был вынужден изучать пространство возможных численных решений. Это пространство называется «фазовым пространством» и представляет собой пространство возможных состояний динамического объекта. В онтологическом анализе фазового пространства каждая точка обозначает возможное состояние объекта, любая серия точек (траектория) обозначает возможный отрезок истории этого объекта, и, наконец, сами аттракторы обозначают тенденции, которые проявляются на таких отрезках истории. Но хотя эти сингулярности притягивают траектории (именно поэтому последние тяготеют к первым), можно математически показать, что приближение траектории асимптотично: траектория становится все ближе и ближе, но никогда не достигает аттрактора. Кроме того, учитывая, что диаграммы фазового пространства исключают случайные флуктуации, в то время как в реальности объекты всегда сталкиваются с внешними ударами и шумом, реальная траектория всегда колеблется вблизи сингулярности. Следовательно, сама сингулярность никогда не актуализируется, что является идеальной иллюстрацией того, чем должна быть идеально виртуальная сущность.

Аттракторы представляют собой форму детерминации, которая не зависит от механизма. Эйлер называл их «финальными причинами», дополняющими действительные причины, которые действительно зависят от конкретных механизмов. Независимость от механизмов подразумевает, что, в отличие от сущностей, сингулярности не похожи на объекты, которые возникают, когда проявляются тенденции, которые они определяют.

Актуализация посредством индивидуации – это дивергентный процесс, имеющий на своём пути ряд аттракторов, и предсказать, в каком направлении пойдёт индивидуация после очередного аттрактора – невозможно. Этот путь определяется для каждого объекта индивидуально, посредством привлечения имеющихся ресурсов, как внутренних, так и внешних, а также выработкой новых способностей. Продукт, получаемый в результате индивидуации, это сборка (ассамбляж), являющийся ситуационным решением проблемы, конкретным Ответом на Вызовы времени и места.

До-индивидуальное, как следует из вышесказанного, не тождественно потенциальному, поскольку последнее отличается от реального только тем, что оно ещё не актуализировано, не стало действительностью, но станет таковой, как только для этого сложатся подходящие условия. Такое понимание до-индивидуального свойственно преформизму, утверждающему, что уже в зародыше (яйцеклетке) содержится будущий организм со всеми необходимыми свойствами и способностями. Этому противоречит действительное содержание онто- и филогенеза, в ходе которых возникают неожиданные, не следующие из предшествующего состояния признаки и свойства. И тогда вполне резонен вопрос: почему из имеющихся возможностей, которых больше, чем одна, реализовалась именно эта? Диккенсовский мистер Пиквик, сидя в камере долгой тюрьмы, размышлял о том, какой соблазн мог привести грязноватую муху, ползающую по его панталонам, в эту душную тюрьму, когда она могла выбрать любое

приятное помещение. И пришел к выводу, что насекомое сошло с ума. Но если это насекомое, по мысли мистера Пиквика имело выбор, то почему мы не можем задать аналогичный вопрос относительно любого бытийного объекта: «почему он именно такой, а не другой?» Наличие достаточных для этого оснований ещё не означает, что именно эта бытийная форма была необходимой, а тем более – предпочтительной.

Таким образом, требуется концепт «предпочтительности», помогающий понять, почему состоялась именно эта актуализация, а не другая. Однако нечто предпочитают другому не просто так, а на основании значения, которое оно имеет для того, кто осуществляет выбор, или, если речь идёт об объектах, не обладающих свободой выбора, то должны быть объективные критерии, подтверждающие необходимость именно этой актуализации. Следовательно, предпочтение опирается на значимость.

На первый взгляд «значимость» является нормативным понятием, поскольку подразумевает инстанцию, которая эту значимость определяет. Значимый – значит важный, ценный, играющий существенную роль в возникновении объекта, на стадии его генезиса, а также в обеспечении его устойчивости в актуализированном состоянии. При этом следует учитывать, что любой объект представляет собой комплексное целое, состоящее из частей, обладающих определёнными свойствами и находящимися в отношениях между собой и с внешними объектами. Некоторые из этих свойств и отношений являются тривиальными, некоторые – значимыми, и последняя не обязательно предполагает наличие человека, её определяющего. Так, в истории Земли были события, повлиявшие на её дальнейшее существование: метеоритная бомбардировка её поверхности привела к вымиранию крупных млекопитающих, но она же открыла экологическую нишу для дальнейшей дифференциации видов. Причём эти события имели место задолго до появления человека разумного, который мог бы оценить их значимость.

Философская работа, которую выполняет концепт «значимости», на первый взгляд напоминает ту, что связывают с концептом «сущности». Если же присмотреться пристальнее, различие между ними принципиальное. Сущность, как уже упоминалось выше, представляет собой внутреннее первичное единство вещи, выступающее в качестве фундамента остальных её признаков. Но есть вещи, сущность которых не в них самих, а вне них. Субури в качестве примера такой вещи называет нож, являющийся не природным объектом, а артефактом, то есть изготовлен мастером для определённых целей и применяется в соответствии с ними. Железо, из которого он сделан, используется для изготовления не только ножа, но многих вещей, однако во всех них, включая нож, не содержится сущности железа, её определяет его место в периодической системе химических элементов в соответствии с химическими и физическими свойствами. Реальные вещи (индивидуалии), помимо тех свойств, который образуют каркас их видовой идентичности, обладают свойствами и способностями, которые оказали влияние на их возникновение в качестве «этих» вещей. Значимость, таким образом, определяется контекстуальной необходимостью конкретных свойств или способностей для обеспечения существования вещи здесь и сейчас. Сущностные свойства не обладают порождающей способностью, а значимые свойства и способности имеют каузальные полномочия, влияют на индивидуацию.

Предпочтительное, нормальное состояние, таким образом, может быть определено как такое, которое обеспечивает сохранение видовой и персональной идентичности посредством задействования внутренних и контекстуальных ресурсов. Иными словами, это благо, к которому, как утверждал Аристотель, стремится все существующее. Так мог бы выглядеть ответ на вопрос мистера Пиквика: на выбор влияют или объективные, доступные метрологии факторы, вроде принципа минимума, или субъективные предпочтения, связанные с концепцией блага, которая, хотя и является нормативной, но доступна анализу.

Отказавшись от трактовки реально сущего в терминах эссенциализма и его разновидностей, ДеЛанда делает выбор в пользу онтологии, лишённой иерархических уровней. Он называет её «плоской», имея в виду, что все её объекты имеют одинаковую бытийную ценность и в равной степени доступны познавательной реконструкции. Реальный статус этих объектов состоит в их независимости от любых форм знания о них, хотя, как подчёркивает ДеЛанда, это не исключает того, что социальные объекты содержат в себе, в качестве имплантатов, идеи, используемые при их конструировании: «В этом смысле социальные объекты не могут быть независимы от разума. Следовательно, реалистический подход к социальной онтологии должен утверждать автономию социальных сущностей от теорий, которые о них создаются. Говорить о том, что социальные сущности обладают реальным бытием, независимым от теории о них, значит утверждать, что теории, модели и классификации, которые мы используем для их изучения, могут быть объективно ошибочными, то есть, они могут и не отражать историю и внутреннюю динамику этих сущностей» [DeLanda. 2006: 1].

Результатом участия ДеЛанды в полемике по проблемам эмерджентности, стала его концепция ассамбляжей. Привычной областью применения этого термина является виноделие, где издавна производители смешивают различные сорта винограда и некоторые посторонние ингредиенты для получения виноматериалов с желаемыми вкусовыми качествами. ДеЛанда выбрал его под влиянием Жюль Делеза, который использовал данное понятие для объяснения разнообразия целостностей, состоящих из гетерогенных частей, посчитав, что оно максимально полно отражает природу и содержание индивидуальных объектов, возникших в ходе индивидуации.

Ассамбляж у ДеЛанда – это реально существующий объект, единственный легитимный представитель сущего, которое хотя и образуется в ходе истории очень извилистыми, избыточными случайностями путями, с использованием различных механизмов, но доступно анализу. И что особенно ценно, концепт ассамбляжа даёт ответ не только на вопрос, что собой представляет появившееся в ходе индивидуации целое, но и на другой, не менее важный вопрос: почему результатом индивидуации стало именно это, а не другой ассамбляж: «Идентичность ассамбляжа должна мыслиться как продукт исторического процесса, в ходе которого происходит объединение его компонентов, а также поддерживается его целостность через регулярные взаимосвязи между частями. Это подразумевает случайность идентичности ассамбляжа и то, что она не гарантируется простым набором свойств, составляющих неизменную сущность. Иными словами, ассамбляжи не являются особенными членами более общей категории, но всегда представляют собой уникальные и сингулярные индивидуации. Даже если два ассамбляжа имеют сходство, так что на первый взгляд их и не различить, то все равно каждый из них будет уникальным из-за различных особенностей их отдельных историй» [DeLanda. 2011: 185].

ДеЛанда не устанавливает порога сложности для объектов, претендующих на статус ассамбляжа: им может быть молекула, клетка, бактерия, химический элемент, экосистема, социальный институт. Все эти различные ассамбляжи рождаются в определенное время, живут своей жизнью, а затем умирают. Из этого следует, что знание о них можно получить не посредством «ботанической» классификации, считающей свойства само собой разумеющимися, но только через изучение источника этих свойств и устойчивости их существования. Чтобы подчеркнуть онтологический статус ассамбляжей, ДеЛанда предлагает называть каждую актуальную сборку индивидуальной сингулярией [DeLanda. 2011: 186]. Своеобразным резервуаром этих индивидуальных сборок он объявляет выше уже упоминавшееся пространство возможностей, структура которого имеет онтологический статус универсальных сингулярий. Они управляют процессом сборки индивидуальных сингулярий, однако актуализация последних всегда подвержена влиянию случайных факторов, и поэтому генерируется не

отдельный ассамбляж, а популяция более или менее сходных, в рамках которых вариации распределяются статистически. Чтобы объяснить эти вариации и состояние идентичности членов популяции ассамбляжей в любой конкретный момент их истории, ДеЛанда предлагает параметризовать концепт ассамбляжа, снабдив его своего рода ручками настройки.

Он рассматривает два параметра, назвав первый территориализацией, а второй кодированием [DeLanda. 2006: 13]. Первый параметр определяет состояние границы ассамбляжей: жесткую и ясную, или же размытую, подвижную. Термин «граница» относится к самым разным вещам, в зависимости от ассамбляжа: внешняя оболочка электронов в атоме; мембрана бактерии; внешний покров растения или животного; географические границы экосистемы; репродуктивные барьеры вида. Большая гомогенность внутренней композиции ассамбляжа и лучшее определение его внешних границ, повышает территориальный статус его идентичности, стабилизирует его состояние, и, напротив, разнородность элементов ассамбляжа, их склонность к образованию новых ассамбляжей, оказывает дестабилизирующее воздействие, которое ДеЛанда обозначает как де-территориализацию. Кодирование как параметр, позволяющий контролировать идентичность ассамбляжа, включает в себя различные ресурсы, от генов до языка и социальных институтов, оказывающее детерминирующее влияние на механизмы сборки.

Два факта делают возможным сохранение объектом своей идентичности, несмотря на постоянно меняющиеся условия: первый – это содержательная избыточность базовых сущностных свойств объекта; второй – наличие в пространстве возможностей ресурсов, необходимых для привлечения и использования в целях сохранения и укрепления своей бытийности. Кангилем утверждал, что природа щедра по отношению к живым организмам, наделив их морфологическими и физиологическими возможностями, потенциал которых больше, чем требуется в обычных, «средних» условиях. Поэтому, когда необходимо напряжение, вызванное теми или иными форс-мажорными обстоятельствами, организм откликается выработкой дополнительной энергии. Отношения, в которые части целого вступают при этом между собой и с организмом в целом, ДеЛанда называет интериорными и утверждает, что они порождают, в том числе, эмерджентные свойства объектов: никто не знает, на что он способен, пока не встретится с реальными вызовами, требующими нестандартных ответов. Стефан Цвейг в цикле новелл, объединённых общим названием «Звёздные часы человечества», повествует о людях, которые, благодаря случайному факту рождения в нужное время и в нужном месте, смогли повлиять на ход истории, благодаря способностям, востребованным именно в это время и в этом месте. Кем был бы один из самых могущественных людей Франции Жозеф Фуше, если бы не Великая Французская революция? – Обычным учителем физики в провинциальном колледже, без шансов на сколько-нибудь значительный карьерный рост. Способности, таким образом, делают видимыми те аспекты целого, которые ранее были скрыты, как в случае с растениями, которые выглядят привлекательно и невинно, но при употреблении могут оказаться ядовитыми, или, напротив, целебными.

Недостаточность интериорности для объяснения разнообразия ассамбляжей одного класса ДеЛанда объясняет тем, что свойства, которые образуют видовую специфику объектов, конечны, а их энергетический запас имеет свои пределы. Поэтому решением являются экстериорные отношения элементов целого, то есть их связи с элементами других ассамбляжей. Результатом таких отношений являются новые способности, приобретаемые объектом и усиливающие его шансы на сохранение. В отличие от свойств, которые, как упоминалось выше, являются конечными и существуют актуально, количество способностей может быть практически неисчерпаемым. Они обнаруживают себя тогда, когда появляются необходимые для их актуализации условия. ДеЛанда приводит в качестве примера способность ножа резать что-либо: её возможность объясняется треугольной формой сечения лезвия, и, допус-

кает он, имеющий такую форму осколок обсидиана такую способность имеет. Но она станет актуальной, когда реализуется в конкретном акте. А способность того же ножа убивать реализуется тогда, когда появятся живые существа, ставшие жертвой покушения с его использованием. Таким образом, способности зависят от свойств компонентов, но не могут быть редуцированы к ним, поскольку они включают в себя связь со свойствами других взаимодействующих компонентов.

В книге «Философия и симуляция: возникновение синтетической причинности» [DeLanda. 2011], вышедшей спустя почти десять лет после «Новой философии общества», ДеЛанда рассматривает способы создания ассамбляжей, начиная с самого простого – взаимодействия двух молекулярных популяций (две массы воздуха или воды) при различных температурах или давлении. Поскольку эти две популяции идентичны по своему составу, единственным различием между ними является количественное. Территориальный параметр сводит в этом самом простом ассамбляже все различия к расстоянию от термодинамического равновесия, то есть, к степени интенсивности градиента. Диаграмма этого ассамбляжа может быть изучена с помощью инструментов математики как пространство состояний, учитывая его траектории и сингулярности. Измерение пространства возможностей, является, соответственно, измерением значимых способов изменения ассамбляжа, то есть, степеней его свободы. Если между этими степенями свободы есть взаимодействие, то диаграмма является нелинейной, располагая разнообразными сингулярностями различного типа. В случае отсутствия взаимодействия диаграмма является линейной, структурированной единственной сингулярностью установившегося типа. Некоторые из членов этой молекулярной популяции могут быть привлечены, в качестве компонентов, в более сложные ассамбляжи, идентичность которых будет определяться отчасти линейной, части нелинейной природой диаграммы, и частично – их территориальным параметром.

Рассмотрев это простейший пример ассамбляжа, ДеЛанда переходит к более сложным, вводя в существующие сборки элементы, увеличивающие их гетерогенность и повышающих опасность де-территорилизации. Завершают рассмотрение организационные ассамбляжи, обладающие властной структурой [DeLanda. 2011: 146–183]. Субъект централизованной власти является сложным, поскольку он включает в себя несколько уровней отношения части к целому. Существует самый большой ассамбляж, в котором центральное государство занимает ядро, окружённое крупными вожествами, и периферия, состоящую из мелких вожеств и сельскохозяйственных общин. Кроме того, существует ассамбляж столичного города, состоящий из множества общин и организаций (храмов, памятников, мастерских, резиденций и самого королевского дворца), а также физической инфраструктуры всего этого, вместе взятого. Наконец, существуют отдельные организации, действующие в качестве институциональных агентов со своими собственными целями и ресурсами для достижения этих целей.

Характеристика ассамбляжа будет неполной без упоминания ещё об одной его особенности. ДеЛанда усматривает её в двух измерениях, определяющих роли, которые играют компоненты ассамбляжа: материальной и экспрессивной (выразительной). Идентичность ассамбляжа не только воплощается в её материальности, но и выражается ею. Это различие соответствует различию между материей-энергией, с одной стороны, и информацией – с другой, не семантической информацией, передаваемой через значение слов или предложений, а грубым физическим шаблоном. Живой градиент, например, может содержать такое же количество энергии, как и тот, который стал рассеянным, но он содержит больше информации, потому что составляющие его молекулы упорядочены и имеют структуру. Помимо определения степени упорядоченности в ассамбляже, физическая информация может выражать его идентичность. В качестве примера ДеЛанда приводит атомы, которые могут выражать свою химическую идентичность, потому что одно из их свойств (определённое распределение

электронов) даёт им способность взаимодействовать с излучением и оставлять в нем уникальный «отпечаток»: каждая электронная оболочка поглощает некоторые длины волн излучения, но не другие, создавая информационный паттерн, который может быть использован для идентификации химических видов атома. Астрофизики используют эти паттерны для идентификации компонентов далёких звёзд, но даже если бы никто не использовал эту информацию, выразительные паттерны все равно были бы там. Именно потому, что мир, в котором эволюционировали живые существа, был наполнен информацией, – от градиентов питательных веществ, по которым может подняться бактерия, до запахов, цветов и форм, которые медоносная пчела может использовать для поиска нектара и до силуэта или рисунка походки, которые хищник может использовать для идентификации своей жертвы, – они смогли начать формировать внутренние модели своей окружающей среды. Две роли, которую в ассамбляжах играют материальный и экспрессивный компоненты, связаны с ними различными формами каузальности. В то время, как материальные компоненты включают весь набор каузальных взаимодействий, экспрессивные компоненты, как правило, включают катализ. Ароматы, звуки или цвета, используемые животными на территории обитания в качестве выражения своей идентичности, действуют, в том числе, как триггеры их поведенческих ответов на вызовы со стороны конкурентов и потенциальных союзников. При этом оба должны обладать сложной нервной системой, играющей роль материальной причины, чтобы быть в состоянии использовать этот путь [DeLanda. 2006: 22]. Точно так же, объяснение поведения людей воздействием на них лингвистических средств будет недостаточным, если не будет эксплицирована причина, детерминирующая их поведение. Иными словами, чтобы нечто было усилено, оно должно существовать.

Результатом взаимодействия различных ассамбляжей может быть поглощение одним другого или создание нового ассамбляжа, но может быть и симбиоз, который ДеЛанда считает более конструктивным решением. Он приводит, как пример, симбиотические отношения между осами и чёрными орхидеями. Человеческая история также богата примерами таких отношений между этнокультурными группами, обитающими в одном жизненном пространстве и использующими возможности друг друга с взаимной пользой, считая нецелесообразной борьбу на уничтожение. Симбиоз предпочтительнее поглощения, поскольку он сохраняет элементы взаимодействующих ассамбляжей как ресурс для обновления и расширения.

Таким образом, можно резюмировать, что концепт ассамбляжа позволяет продвинуться в решении нескольких проблем, с которыми столкнулась современная наука, в том числе и социальная:

1. Он наделяет бытийной и эпистемологической ценностью реально существующие индивидуальные объекты, доступные метрологии и анализу.
2. Он допускает существование эмерджентных феноменов и их редуктивное объяснение.
3. Он позволяет объяснить сложные социальные образования, которыми характеризуется современный мир, не прибегая к его иерархизации, а располагая все его феномены на одном бытийном уровне.
4. Он опирается на новое понимание причинности как совокупности всех факторов, причастных к возникновению объекта и сохранению его идентичности.

Самым проблемным местом в реалистической онтологии ДеЛанды, является, на наш взгляд, объяснение того, почему состоялась именно эта актуализация универсальной сингулярности, а не иная. Предлагаемый концепт предпочтительности требует выяснения значимости причастных к актуализации факторов, что, применительно к объектам, имеющим право выбора, приводит к субъективизму. Речь идёт об установлении того, что «склеивает» разнородные компонен-

ты, как внутренние, так и внешние, в ту самую индивидуальную сингулярию, которой является социальный ассамбляж. На эту роль подходит концепция блага, выступающая в качестве стратегической и тактической цели индивидов и социальных групп и доступная эмпирическому исследованию и анализу. Обращение к ней позволяет объяснить разнообразие реакций на внешне сходные условия и ситуации, в которых оказывается люди, поскольку, перефразируя Аристотеля у них, в отличие от животных, решения могут быть не только такими, но и другими. Но ДеЛанда видит выход в использовании вычислительных мощностей современной компьютерной техники, позволяющей, по его убеждению, моделировать любые ситуации.

Майр Э. 1974. *Популяции, виды и эволюция*. Пер. с англ. – М.: Мир. – 465 с.

Меияссу К. 2015. *После конечности: Эссе о необходимости контингентности* / пер. Л. Медведевой. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный учёный. – 196 с.

Субири Х. 2009. *О сущности* / Пер. с испанского Г.В. Вдовиной. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы. – 456 с.

Bryant L, Srnicek N, Harman G. 2011. *The speculative turn: continental materialism and realism*. – Re.press Melbourne. – 443 p.

Canguilhem G. 1998. *The Normal and the Pathological*. – New York: Zone Books. – 327 p.

Cartwright N. 2008. *The Dappled World. A Study of the Boundaries of Science*. – Cambridge University Press. – 258 p.

DeLanda M. 2002. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. – L.: Continuum. – 251 p.

DeLanda M. 2006. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. – L.: Continuum. – 142 p.

DeLanda M. 2007. *Personal communication, email to Graham Harman, January 30*.

DeLanda M. 2011. *Philosophy and simulation: the emergence of synthetic reason*. – L.: Continuum. – 233 p.

DeLanda M., Harman G. 2017. *The rise of Realism*. – Cambridge, Polity Press. – 104 p.

Simondon G. 1992. The genesis of the individual. – *Incorporations*. Ed. by J. Crary, S. Kwin-ter. – New York, Zone. – Pp. 297–319.